

АЛЕКСЕЙ Максимович Горький был инициатором создания и членом Главной редакции многолетнего труда «История гражданской войны». Будучи секретарем Главной редакции, я не только бывал, но и подолгу жил у Горького, уделявшего много внимания и труда чтению и редактированию рукописей, подготовленных для этого издания.

Не раз мне выпадало счастье слушать рассказы Горького о жизни, о встречах с огромным количеством самых разнообразных людей, о впечатлениях от книг, театральных постановок, о своих замыслах. В рассказах было немало автобиографических деталей, которые не встречаются в его книгах.

Обычно часа в четыре дня Горький выходил в сад (и на даче под Москвой, и в Крыму), где собирал валежник, жег костры — его любимое занятие — или дробил камни на щебенку. К этой работе — мы ее называли «каторжной» — привлекались все, даже задержавшиеся случайно в доме посетители.

Но у меня от старой контузии разболелась нога. Заметив это, Алексей Максимович выдал мне за своей подписью следующее «удостоверение»: «Дано сие бывшему комиссару первого Конного корпуса Червоного казачества... в том, что по случаю болезни он освобождается от каторжных работ».

Я получил возможность оставаться в комнате и по живым следам записывать рассказы Горького.

22. XII-35 г.

— Алексей Максимович! От Берсенева опять письмо.

— А что?

— Пишет, что в конце февраля по плану ставят «Вассу Железнову».

— Вот черти полосаты! Говорил же им, что пьесу надо переделать. Не мог всего написать. Живы еще были герои. Сообщите им, что срочно вышло новый текст.

В тот же день.

— Подпишите телеграмму, Алексей Максимович! — Ладно, ладно. Опять «Клима» придется отложить. Не дадут до смерти кончить...

Пьеску то я написал по свежим следам. Были в Нижнем трое паромщиков. Один был когда-то вышибалой в притоне. Вот у него и случилась история. Пьяница, развратник. Едва все состояние не пропил, да жена вмешалась — отравила. Сильная женщина. — Какова основная идея пьесы?

— Хотелось мне показать, что капиталистическое хозяйство не любит дробления.

— Марксов закон концентрации и централизации?

— Вот именно. Не знаете ли вы, какова доля иностранного капитала была до революции в русской промышленности?

— По отраслям?

— Ну да, лучше в металлургии, в текстильном производстве. Хорошо бы по районам.

— Боюсь только, что под руками не окажется нужных книг. Попробую съездить в Симферополь, там, кажется, есть республиканская библиотека.

— Куда? С больной-то ногой. Не пущу!

— Алексей Максимович, я подберу пока наиболее важные статьи из Ленина.

Вечером в тот же день.

— Вот эти страницы из «Имперализма», как выс-

шей стадии капитализма перечитайте.

— Спасибо. А на Урале английский капитал преобладал? Эти вопросы у меня совпали и в «Климе», и в «Вассе». В «Климе»-то я уже до приезда Ленина добрался. Хотел было до Октябрьского переворота, но сил не хватит. Да и длинно вышло. Хочу прежние три тома в два сократить. А вы прочитали «Клима»? Что там можно сократить?

23. XII.

— Кто раньше написал: Ильич свой «Имперализм» или Шульце-Геверниц? Могло здесь быть какое-либо влияние? Шульце ко мне приходил. Сухой, высокий, с котомкой за

И потом в прежней пьесе бесспорно как-то, а надо показать выход.

Вечером.

— Ну, теперь, пожалуй, пойдет с «Вассой». В таком деле главное — расставить всех по местам. Характеры дать. Каждому свои слова. По словам-то и характер виден. А то вот меня артисты из МХАТа раз за два допрашивали, какие ключи и много ли их было у Вассы... И где она их держала: за поясом, что ли? Смешной вопрос! Раз ключи, то и звон от них должен быть, а это заглушит слова. Характер не в ключах, а в словах ищи. Этим пьеса и отличается от повести.

Академик И. МИНЦ

В ЛАБОРАТОРИИ А. М. ГОРЬКОГО

плечами. Прodelал что-то более тридцати верст...

А Ильич, видимо, собирался писать огромную книгу.

После рассказа об условиях и задаче «Имперализма»: — Ну и учиться надо над такой работой! А какая изумительная способность простоты изложения. Ведь это литературно-художественное произведение. Такую способность я знаю только у Ленина. Его «К деревенской бедноте» надо в хрестоматию по литературе.

В тот же день, прочитав составленную мною справку:

— Материал-то ваш замечательный. Почему у нас так мало пишут, как англичане с французами грабят Россию? Зазорно? Напротив, надо показать, из какой трясины вытащили большевики Россию. Китаем была бы!..

— А мы вчера «Вассу» перечитали. Хотим знать, что вы будете переделывать?

— Много людей. Меньше нужно, а то рассеивается внимание. Затем наших женщин надо показать. Страстей много нагорело. Была личного. Классового мало. Васса-то помнит, а Рашель — вся в будущем. Пожалуй, на поправках не выедешь. Надо подобрать вещь, — сказал, сжимая пальцы в кулак.

24. XII. Утром.

— «Вассу» начинаю.

В тот же день, за обедом.

— Первый акт готов.

— Как? За утро?

— Да! Два акта обдумывал, а собрался сколько-нибудь. Просил вас достать материал о большевиках во время войны? Расспрашивал вас о большевиках. Все хотел узнать о наших женщинах. Послушайте, что ли?

После чтения, оглядывая нас поверх очков:

— Чего замолчали? Не нравится? Не хватает чего?

— Да вы же совсем по-новому написали!

— Верно, каюсь... Бытовщины много было. Да и от «Леди Макбет» подпущено немало. А дело ведь не только и не просто в характере, не в силе воли, а в силе капитала...

Не случайно же у писателя одни вещи написаны романом, а другие пьесами. Мне говорили, что кто-то собирает «Анну Каренину» превратить в пьесу. Зачем? Кому взбрело в голову? Разве Лев Толстой, если бы захотел, не мог сам написать пьесу? Видно, не хотел. Зачем же ему мешать говорить с читателем в той форме, какую он сам избрал?

25. XII. Утром.

— Прочитал ваши материалы... Великая вещь история. У нас забывают об этом. Молодежь впервые именно в школе на уроках истории встречается с вопросами мировоззрения. Чего же проще: приготовить умные, хорошие учебники. Рассказки толково и просто, как жили и почему плохо...

Ну, а наше взрослое поколение рабочих, которым не довелось систематически посещать школу? Конечно, мировоззрение они черпают из школы жизни, но им тоже может помочь история. Надо привить вкус к истории, закрепить ее уроки в памяти.

У нас много стали читать. Вот бы поручить ряду ученых подготовить несколько работ об исторических источниках гётевского Фауста, трагедий Шекспира... Занятно и познавательно...

Надо крайне бережно относиться к историческим романам. Я много читал о Борисе Годунове, а в голове торчит образ пушкинского Годунова... Знаю, помню, что Белинский критиковал Бориса Годунова у Пушкина. Попрекал его тем, что он написал по Карамзину. А вот поди: сколько ни читал книг, а мыслью Бориса по Пушкину... Вот почему думаю, что надо не только переиздавать исторические романы, а и писать новые. Вызвать литераторов и дать им задание: напиши исторический роман о работе женщин-большевиков... Покажи, как мы отвоювали рабочих от эсеров и меньшевиков... Я бы не остановился и перед созданием новых исторических романов на старые, уже использованные темы...

Пойду дописывать «Вассу». Вы можете узнать, сколько получал поручик? Если узнаете, зайдите...

В тот же день.

— Чему улыбаетесь? Небось, догадались. Да, второй акт готов. Вот он...

После окончания чтения Алексей Максимович просительно оглядел всех нас, что скажете?

— У вас новая композиция, новые действующие лица: исчезла дочь Анна, появилась революционерка Рашель...

— Правильно подмечено. Но Анна — птица из того же гнезда, а мне надо было показать выход из этого смрадного царства. Вот и появилась большевичка Рашель. Я-то не зря у вас выпрашивал о большевиках... Обратили внимание, как я употребил материал о жалованье поручика? Я это использую

Пойду послушаю, что этот оголтелый Гитлер натворил за этот день...

26. XII. Утро.

— Хотел в «Вассе» немного разрядить обстановку... Вложить в уста пьяницы и развратника Прохора Железнова какую-нибудь частушку, что ли... Да убоялся греха: как бы не оскорбить прекрасное творение народа... Прав был Ленин, — а он всегда прав, как оглянешься, — когда он написал, что ум миллионов творит куда более высокие и ценные произведения, чем отдельные люди... Возьмите вы поговорки, пословицы, изречения, в которых сказывается мудрость коллектива. Вот хоть бы такая... По-

ройтесь в пословицах Дала. Пожалуй, там ее найдете...

Дай-ка встану, погляжу, Хорошо ли я лежу. Сколько тут умной иронии: лежбоба, ты хоть бы встал, посмотрел бы, хорошо ли лежишь-то...

Или вот другая, только, пожалуй, поближе к нашему времени:

Я стою одна в саду. Никого будто не жду. Кто-то едет на коне — Приблизительно ко мне.

Хорошая наука о фольклоре, только если это наука, а не собирательство... Всегда хочется знать, когда примерно произошло то или иное изречение, в какой обстановке, где и так далее...

Скажу еще одну, раз на то пошло:

На столе стоит арбуз, На арбузе муха. Муха злится на арбуз, Что не лезет в брюхо.

Но тут сознаюсь, что сотворил эту словесную постройку я сам, а то, пожалуй, кто-нибудь потянет в хрестоматию по фольклору...

Не удивляйтесь, что меня вдруг потянуло на стихи... Я ведь всегда считал, что стихи появились раньше прозы, они рождались в труде... Мне и сейчас легче писать стихами. Хотите про самовар и про то, как мы чай пьем, сейчас сотворю стих... Ага! Испугались! Нет, это, я так, перед расставанием с «Вассой»: кончаю, проклятую, и опять за любимое дело — за «Самгина»...

В тот же день, после обеда.

— Готово. Чертовски устал. Садитесь, слушайте, набирайтесь злости для критики.

Читал Алексей Максимович потрясающе хорошо. Для каждого действующего лица находил не только свою интонацию, свой голос, но и свои жесты. Чтецом он был поразительно. Казалось, что находишься на репетиции в театре. Алексей Максимович, почувствовав наше впечатление, в свою очередь оживлялся.

Закончив, Алексей Максимович устал откинулся на спинку стула и уже не спрашивал ни о чем, только перебирал исписанные листы.

— Совсем новая вещь, Алексей Максимович, в старой был подзаголовок

«Мать». Имеет ли это отношение к одноименной повести?

— Да, будет работенка литературоведам, когда умру, но нужна же и им работа... Я уж вам говорил, что когда писалась «Васса Железнова», жили еще герои... Ну, а к тому же теперь 35-й год, слава богу, 18-й год Советской власти. Что же вы, батенька, полагаете, что я остался тем же горемычным Максимом Горьким, что и в год написания старой пьесы? Глаза-то у меня хоть и постарели, а видят больше. Теперь в свете великой русской революции по-другому-то, во всяком случае, яснее смотришь на многое прежнее... Теперь в «Вассе» классовое более оголено, не тонет в бытовых деталях. Васса прямо говорит Рашели: тебе революцию раздуть, а мне хозяйство укреплять... — Теперь мы поняли, Алексей Максимович, ваши слова еще до начала переработки пьесы: Васса-то умирает, а Рашель — вся в будущем!..

— Ишь вы... запомнили, что говорил... Да, конечно, давно уж обдумывал переделку, да все некогда было сесть за работу...

А вот название «Мать»... У меня временами появлялось желание дать серию образов... Мать — волчица, стязательница у них, и мать — страдальца во имя счастья для всех у нас, у передового класса...

И сейчас ношусь с мыслью написать о трех поколениях дореволюционных интеллигентов — первое только выкарабкалось из общей массы, второе — расцвело, а третье — вырождается... «Самгин»-то из этой идеи вырос.

Желаний много, замыслов еще больше, а сил все меньше...

Вечером.

— Алексей Максимович, можно послать телеграмму, что закончили и высылаете в театр новую пьесу «Васса Железнова»?

— Можно, только не пугайте их тем, что новая. Они, небось, роли-то изучили и ключи нашли для Вассы, а тут заново... И персонажи новые — надо подбирать артистов...

Все же хорошо, что кончил «Вассу»: и долг выполнил, и мою вернуться к «Самгину»...

Последние годы это моя душевная забота. Меня все время гнетет какая-то тягловая мысль: будто написать «Самгина» — это мой долг перед советскими читателями. Как-никак, а я в этой среде, воспитавшей Клима Самгина, вертелся более 40 лет... Видел все оттенки и разновидности этих интеллигентов. Знаком с колебаниями и шатаниями «мыслящей» интеллигенции, как они возмущены о себе выражаются, как будто есть немалая интеллигенция... И мне до боли хочется показать, как они ошибаются, полагая, что призваны давать законы всем... Говорят о Марксе, кланутся классами, а о классовой борьбе понятия не имеют и, столкнувшись с ней, бегут в кусты, а иные, немного покривлявшись, прямо переходят в лагерь капитализма. Вот как господин Кроткий из «Вассы».

Повидал я этих героев-одиночек, навязывавших свою особую линию... И это в условиях империализма, с его ожесточенной классовой борьбой! А она ежеминутно спрашивает: с кем вы, гражданин милый? С кем вы, интеллигент, этакий надклассовый герой-закондатель?..